

— АВТОРИТЕТ ТАЛАНТА —

Главный день

Из прожитых дней нам памятни многие... Для актера это обычно его дебюты, премьеры любимых спектаклей, юбилейные даты. Но есть среди них один день — Главный, когда к художнику приходит счастливое осознание: трудная, порою мучительная дорога в искусстве выбрана им не случайно. Тогда оказываются оправданными сомнения, горькие неудачи, обиды, а их бывает немало. И открывается второе дыхание, дающее силы новым свершениям, среди которых будут и удивительные.

Признаюсь: вопрос о таком дне не задавался актеру Леониду Броневому. Но, слушая, как он вспоминает о старых ролях, вглядываясь в его живое, переменившееся лицо, когда он не просто говорил, а жил жизнью своих героев, подумалось, что главным днем была для него встреча с Алексеем Николаевичем Грибовым.

Вернемся же более чем на три десятилетия назад, в июнь 1950 года, когда в Художественном театре только что закончился спектакль и Грибов заторопился к служебному выходу, зная, что там его ждет молодой актер, приславший письмо с просьбой о встрече. Таких писем приходило известным артистам немало, но это показалось особенным и взволновало Грибова: не так уж часто случается, чтобы человек, имеющий высшее образование, успевший несколько лет поработать в театре, игравший главные роли, решался вновь сесть на студенческую скамью. Что движет им?..

Они встретились и долго бродили по улицам и переулкам. Броневой рассказывал о себе, читал стихи и прозу. И признался, что должен учиться мастерству у людей, прошедших школу Станиславского, для чего и приехал в Москву. То было время летних отпусков, но энергия Грибова, уважение, которое вызвала в нем жесткая требовательность к себе молодого актера и, разумеется, его талант помогли Алексею Николаевичу совершить почти чудо. Он собрал в Школе-студии МХАТа Топоркова, Массальского, Морзе, чтобы они прослушали необычного абитуриента. После чего Броневому пришлось сразу на третий курс...

На сцену Московского театра на Малой Бронной Леонид Броневой пришел опытным актером. Позади оставалась работа в Магнитогорске, Оренбурге, Иркутске, Грозном, Воронеже.

Броневой быстро вошел в репертуар нового театра, запомнилась, обращая внимание своей необычностью взгляда на мир, утверждая свою манеру исполнения, притираясь своей концепции образа.

Есть актеры, чьи сценические, экранные, телевизионные роли в конце концов складываются в единый человеческий портрет, во многом близкий личности исполнителя. Не что иное в творчестве Броневского: его пронизательный, острый ум, постоянный интерес к персонажам со сложной, нередко противоречивой внутренней жизнью, скрытая душевная сила позволяют актеру резко менять краски и представлять иным. Настолько, что иногда трудно связать в воображении двух его героев, хотя Броневой почти не прибегает к переменам во внешнем облике.

Одна из его первых московских ролей — Капулетти в «Ромео и Джульетте». Как будто ничто на первых порах не напоминало безумца или маньяка в этом отлично воспитанном веронском аристократе: изящная походка, сдержанный, чуть глуховатый голос, благородная осанка. Но изящество манер не мешает диким, открывшимся вспышкам неистовой злобы, и благородный господин весьма незастенчиво пускает в ход кулаки.

Чуть позже Броневой играет Христофора Блохина в «Сказках

старого Арбата», и не протянуть нить между злобствующим, лицемерным волком Капулетти и тихим Блохиным, который всю жизнь оставался в тени своего великого друга, великого мастера-кукольника. Броневой в этой роли намеренно глушит краски, предпочитая мягкую, скромную гамму, чтобы затем осторожно высветить в стареющем, уютном, поначалу совсем незаметном Христофоре напряжение страстей и мыслей. Смешная фраза, которую довольно часто произносит герой Броневского: «Нам всем надо сосредоточиться», — очень существенна. Она-то и дает ключ к «тайне» Леонида Броневского. Самые значительные и интересные его герои как бы аккумулируют в себе серьезнейшие конфликты своего времени, трудно размышляя над ними, вовлекая в это размышление других.

В небольшой роли доктора Вернера в телевизионной версии лермонтовского «Героя нашего времени» Броневой привлекает наше внимание не только ненавязчивой дружелюбностью, задушевностью и теплотой, которые он несет людям. Этого было бы недостаточно, чтобы скромный армейский доктор мог стать близким, а в какие-то минуты и необходимым надельному блистательным умом и холодной, бездушной мудростью Печорину. Тут и сказалось умение актера, более того — его склонность передавать со сцены или с экрана живую человеческую мысль, ее рождение, бытие, движение. Броневой словно крупным планом доносит сосредоточенную интенсивность духовной жизни человека, когда довольно взгляда, жеста, мимической улыбки, чтобы заинтересовать, заразить зрителей.

Не случайно Броневой умеет в эпизодической роли, которая, возможно, у другого исполнителя осталась бы проходной, создать полноценный, живой характер, необходимый в контексте фильма. В картине Глеба Панфилова «Прощай, слова» его герой, Алтухов практически участвует в одной сцене. Бывший председатель горсовета, он слает дела своей молодой преемнице Елизавете Уваровой. Наступил час его прощания с прошлым. Внешне это выглядит просто — выдвигая один за другим ящики стола, Алтухов протягивает Уваровой папки с делами. Но у Броневского Алтухов будто перелистывает страницы собственной биографии, он чуть огрешен от того, что говорит, называет... Но в то же время его умные, быстрые глаза невольно следят за Уваровой — кому отдает он то, чему отдал себя, свою жизнь? И в его взгляде, в легкой иронии, которой окрашена интонация в беседе с новым мэром, — вся его неподдельная, ревностная любовь ко всему тому, что было его судьбой.

Броневой много снимался и снимается в кино. Его роль, равная его таланту, его актерским возможностям, пришла в начале 70-х годов, в телесериале «Семнадцать мгновений весны».

— Поначалу мне предлагали другую роль в этом фильме, — вспоминает Леонид Сергеевич. — Но я читал сценарий и понимал, что должен во что бы то ни стало сыграть Мюллера. Вы удивлены: откуда может взяться тяготение к такому герою? Но мне хотелось напомнить людям о страшной сути фашизма, о том, во что он способен обратить человека. Я хорошо помню войну, был тогда подростком. Помню бомбы, рвавшиеся над моим родным городом Киевом, эвакуацию, лица женщин, детей, остающихся без крова. Долгие эшелоны на восток... Помню, как приходили с фронта известия о гибели близких, как все мы ждали победу. А ведь мюллеры, те, кто принесли нам все неисчислимые бедствия, горе, утраты, существуют и сегодня. Так можно ли молчать об этом?..

То, как Броневой сыграл гестаповца Мюллера стало одной из главных удач картины, которая сегодня популярна у зрителей, как в дни телепремьеры. Главному герою ленты, советскому разведчику Исаеву-Штирлицу противостоял умный, по-своему яркий профессионал высокого класса, что делало максимально напряженной центральную сюжетную линию картины — поединок Мюллера и Штирлица.

Броневой не относится к актерам, которые сохраняют дистанцию по отношению к своему герою. Как ни чужд ему Мюллер, он оказался способным передать сущность совершенно противоположного ему во всем человека. Его Мюллеру присуща и пронзительность в отношениях с людьми, и отличная интуиция, и мгновенная точная реакция. Все это, конечно, профессиональные качества, но Броневой смело идет и дальше, он открывает его ум и природную прозорливость. Он ничуть не обманывается, как другие его коллеги, мнимым благополучием, которого достиг Мюллер давно понял, что фашизм обречен, и больше всего мучит этого бывшего маленького сыскающего агента, что когда-то в молодости он поставил не на ту карту... Сложнейшую гамму эмоциональных переходов от действенной энергии до почти полного внутреннего спада Броневой доносит как истинный мастер. Трагизм судьбы Мюллера, человека, который мог бы стать другим, сделал он честный выбор, привнес в картину тревогу художника, ненавидящего и отвергающего мир зла и насилия.

Еще одна черта, характерная для творчества Броневского, проявилась в этой роли — его герои всегда неординарны. По-

рою незаурядны. Даже Герцог, сыгранный им в телевизионном фильме «Тот же Мюнхгаузен», ступен и капризник, менее всего занятый жизнью управляемого им государства, выделяется из общего ряда своей одержимостью. С каким упоением, не переставая, толкует он о проблемах портновского искусства! Как он этим поглощен! Как сильна его страсть, сквозь призму которой видится ему весь мир... А ведь одержимость любого рода — свойство натур незаурядных. Искрящаяся фантазия постановщика этой картины Марка Захарова находит достойного исполнителя в лице Леонида Броневского, великолепно ощутившего стилистику фильма, его саркастическую направленность. Момент общности с режиссером для Броневского всегда первостепенен.

— От этого зависит очень многое, — подчеркивает актер. — В молодости у меня были прекрасные встречи с такими мастерами, как Фирс Шишигин, Владимир Куликоский, замечательными театральными режиссерами, которых хорошо знают и московские зрители. Они по-своему избаловали меня, и с тех пор я тяготею к полноте взаимопонимания с постановщиком спектакля или фильма. Я очень тепло вспоминаю нашу работу с Сергеем Юткевичем над фильмом «Маяковский смеется», где я играл Олега Баяна. У Льва Кулиджанова в картине «Карл Маркс. Молодые годы» я играл небольшую роль Филиппса, но как дорога была мне ненавязчивая, мягкая манера режиссуры Кулиджанова, который будирует актерскую фантазию и точно направляет ее.

Видимо, не случайно Броневой с некоторыми из режиссеров встречается не в одном фильме. Сейчас на киностудии имени Горького В. Дорман закончены съемки картины «Возвращение резидента», где Броневой играет одну из главных ролей. Зрители помнят, наверное, его недавнюю работу в фильме Дормана «Похищение «Савойи» — там актер тепло с едва уловимой грустью нотой рассказал о судьбе бойца французского Сопротивления Жака Калло, и в мягком юморе его ощущался привкус горечи по ушедшему дорогому прошлому.

С годами герои Леонида Броневского не стали ни рассудительнее, ни суше. Они по-прежнему эмоциональны, полны надежд, они мечтают, страдают от разочарований и вновь устремляются в даль. Всем этим их в немалой степени награждает сам актер. Достаточно послушать, как рассказывает он о своей новой работе: например, о телефильме «Покровские ворота», где он играет старого конференсье. Броневой не произносит, собственно, ни одной реплики, но уже в том, как преобразился он во время этого рассказа, как заблестели глаза, как вскинул он руки, виден тот, кого мы скоро встретим на нашем телеэкране — добрый, не очень счастливый мечтатель, не утративший способности надеяться и ждать.

Проходит еще несколько минут, и является другой человек, пусть и в том же облике. На этот раз Броневой говорит о новой пьесе А. Мишарина «Равняется четырем Франциям», постановку которого осуществил режиссер А. Дунаев в Театре на Малой Бронной. Броневому поручена главная роль — секретаря крайкома партии Шахматова. И снова чувствуется пристрастие актера к крупному, неординарному характеру, подчиненному какой-то одной идее. В данном случае — бесконечной вере в человека, в его возможности и в его мужество. Впрочем, Шахматов еще придет к нам с театральными полмостков, чтобы заставить зрителей спорить, волноваться, думать. Как и другие герои Леонида Броневского.